

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК [35.07/.35.076+061.2]"15/17"(4-15) (438)(470+571)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ЕВРОПЫ XVI–XVIII ВВ. В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Л. В. Ландина,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры историко-культурного наследия БГУКИ
Республика Беларусь, г. Минск

Аннотация. Раннее Новое время (XVI–XVIII вв.) представляет огромный интерес для изучения с позиций системного подхода и исторической компаративистики. Речь идет о сопоставлении типологических характеристик регионов и государств, и, соответственно, выявлении особенностей политических и общественных институтов в странах с различными моделями государственности. В свою очередь, панорамное и синхронное рассмотрение с позиций исторической компаративистики позволит получить более системное и содержательное знание о специфике развития, взаимодействии и исторических судьбах таких государств, как абсолютные монархии Западной Европы, шляхетская республика Речи Посполитой и самодержавная монархия Российской империи.

Ключевые слова: раннее Новое время, Европа, абсолютные монархии, Речь Посполитая, шляхетская республика, самодержавная монархия, системный подход, историческая компаративистика.

Annotation. Early modern times (XVI-XVIII centuries) are of great interest for study from the standpoint of a systematic approach and historical comparative studies. We are talking about comparing the typological characteristics of regions and states, and, accordingly, identifying the features of political and public institutions in countries with various models of statehood. In turn, panoramic and synchronous consideration from the standpoint of historical comparative studies will allow us to obtain more systematic and meaningful knowledge of the specifics of development, interaction and historical fate of such states as the absolute monarchies of Western Europe, the gentry republic of the Commonwealth and the autocratic monarchy of the Russian Empire.

Keywords: early New Time, Europe, absolute monarchies, Polish-Lithuanian Commonwealth, gentry republic, autocratic monarchy, systemic approach, historical comparative studies.

Раннее Новое время представляется периодом, когда рельефно проявились типологические особенности развития регионов Европы в условиях перехода от традиционного к модерному обществу. Различные стартовые условия, темпы развития и местная специфика государств определили в конечном итоге и их исторические судьбы – от лидерства в регионе до инкорпорации более мощными соседями. Таким образом, указанный ракурс рассмотрения диктует применение системного и компаративного подходов.

История новоевропейской государственности предстает как системный процесс, краеугольные компоненты которого – геополитический статус, экономика, военная сила, социальные и политические институты – детерминированы условиями конкретных стран. Соответственно, сохраняет неизменную важность динамика,

соотношение и характеристики общего и особенного, что предполагает типологизацию, сопоставление и сравнение в панорамном рассмотрении. В самом общем плане это и является сущностью исторической компаративистики.

Данный подход не нов, достаточно вспомнить «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Рационализм эпохи Просвещения и позитивистская парадигма исторической науки второй половины XIX в. подняли историческую компаративистику на качественно новый уровень. В начале XX в. выявление общего и особенного в государственных и общественных институтах России и Западной Европы приобрело не только научную, но и общественную значимость. Чем отличается западноевропейский и российский феодализм, и, соответственно, социальные и политические структуры Европы и России? Как это сказывается на развитии страны, готова ли она к революции, в частности, пролетарской? Можно ли построить социализм в отдельно взятой России и т.д.? Эти проблемы обсуждались в научных спорах, которые часто превращались в политические баталии. С установлением марксистского методологического канона во второй половине 1930-х гг. и включением России в формационную схему, в значительной степени европоцентричную, эта проблема на время утратила актуальность. Однако новые идеологические и научные реалии послевоенного СССР все же поставили советских историков перед проблемами типологии европейских стран и регионов.

Знаковым событием стало выступление двух известных советских медиевистов – З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в августе 1970 г. с докладом «Генезис феодализма в странах Европы» [1]. Византинист Удальцова и англовед Гутнова предложили типологизировать варианты феодализации в Европе в зависимости от степени и характера взаимного влияния (либо отсутствия такового) позднеримских и варварских структур. Этот ракурс исследований получил значительную поддержку советских историков, были предложены различные варианты типологизации, но в целом в исторической науке утвердилась идея о синтезном и бессинтезном вариантах генезиса феодализма.

При синтезной модели феодализация осуществлялась на основе материального и интеллектуального наследия Римской империи (латынь, римское право, колонат, администрация, городская инфраструктура, социальные институты и т.д.). Это страны Западной Европы (Испания, Португалия, Италия, Франция, земли центральной и южной Германии), где феодализм возник уже в V–VI вв. При бессинтезной модели феодальные отношения формировались на местной почве, в процессе продолжительного распада родоплеменных связей и медленного создания институтов феодального общества, начиная с IX–X вв. Такие процессы характерны для части Англии, скандинавских стран, Восточной Европы (Восточная Германия, Польша), восточнославянских земель. В данном регионе феодализация проходила на собственной родоплеменной основе, при отсутствии аналогов позднеримских городов и римского права и с более поздней христианизацией. Таким образом, сопоставление даже в самом широком масштабе представляет картину принадлежности Западной и Восточной Европы к различным моделям развития.

Эти выводы имели не только академическое значение. Достаточно вспомнить длящиеся не одно столетие споры об исторических судьбах России и Европы с выходом на проблемы цивилизационной и национальной идентичности. При рассмотрении истории Великого княжества Литовского, как страны, представляющей культурное пограничье и регион бессинтезной феодализации, принципиально важно понимание специфики исторического развития государственности данного периода.

Принадлежность к бессинтезной модели феодализации проявилась в более позднем (в Великом княжестве Литовском в 1589 г., в России в 1649 г.) окончательном оформлении крепостного права. В Западной Европе уже в XII–XIII вв. начался процесс освобождения крестьян за выкуп. В Восточной Европе крепостное право, сложившись гораздо позднее, соответственно и просуществовало дольше, а в России его пережитки сохранились вплоть до второй половины XIX в.

Значительно более поздним оказалось и формирование капиталистических структур. Так, в Великом княжестве Литовском первые мануфактуры – Налибокская и Уречская – появились лишь в первой половине XVIII в. во владениях А. Радзивилл.

Социальным итогом более позднего развития капитализма было слабое развитие городов и буржуазии по таким критериям, как корпоративное самосознание, политические требования и их реализация, городское самоуправление. В Великом княжестве Литовском, по причине вестернизации его институтов после Кревской унии, было Магдебургское право, которого не имели российские города. С другой стороны, города Польши и Великого княжества Литовского практически не имели представительства в сейме в отличие от западноевропейских со значительными позициями в сословно-представительных органах. В свою очередь, необратимые потери в ходе войн, особенно XVII в. подорвали экономические позиции городов Речи Посполитой. Таким образом, сопоставление по экономическим критериям демонстрирует весьма существенную разницу даже на уровне того, что понимается под словами «капитализм», «город», «буржуазия», «самоуправление» и т.д. в странах синтезной и бессинтезной моделей феодализации.

Не менее важной является специфика политических институтов обеих моделей. Необходимо учитывать, что уже с XV и особенно XVI в. в Западной Европе стали набирать силу абсолютные монархии, политически и экономически консолидировавшие страну. В России в это же время формируется самодержавие – российский вариант абсолютной монархии на основе византийской политической и культурной традиции, подчинившее церковь и сословия. Более того, Российское государство, с сильной монархической властью и патерналистской политической культурой с 1721 г. станет Российской империей. Таким образом, Великое княжество Литовское, а затем Речь Посполитая геополитически оказались между абсолютными монархиями Запада и Востока Европы, причем в XVI–XVIII вв. и те, и другие усиливались, несмотря на отличия в политической культуре.

В то время, как Запад и Восток Европы развивались в сторону укрепления абсолютных монархий, Великое княжество Литовское, а затем Речь Посполитая демонстрировали обратные процессы. Для Польского королевства была характерна усиливающаяся власть магнатов и шляхты, в поддержке которых нуждались короли. В борьбе с внешними вторжениями и внутренними смутами они вынуждены были договариваться с магнатами и шляхтой. Наиболее ярким примером таких уступок был Кошицкий привилей 1374 г. В условиях династического кризиса за признание на троне одной из его дочерей Людовик Венгерский освободил магнатов и шляхту от всех повинностей, кроме военной службы и небольшого налога, фактически уравнив их в правах. После Кревской унии к этому стала стремиться и шляхта Великого княжества Литовского, особенно при подготовке Люблинской унии.

Переломным моментом в ослаблении центральной власти Польши и ВКЛ стало правление Казимира Ягеллончика (1447–1492). Усиление великокняжеской Рады и сейма, необходимость противостоять прессингу Польши, желавшей инкорпорировать Великое княжество Литовское, переход к обороне в соперничестве с Московским княжеством – все это привело к подписанию привилея 1492 г., в результате чего власть монарха оказалась существенно ограниченной. Все последующие права и привилегии

шляхты и магнатов, воплощенные в *Pacta conventa, liberum veto, nihil novi*, Генриковых артикулах, праве на конфедерации и рокош были логическим продолжением процессов, начавшихся еще в Средние века. Выборность монарха, ставшего заложником политических амбиций не только магнатов, но и более сильных соседних государств, дополняла картину «свобод» в Речи Посполитой, избравшей в качестве политического образца не Римскую империю, как это было принято в абсолютистских государствах, а Римскую республику, где монарх, исполняя функции принцепса сената, был лишь первым среди равных.

В условиях прогрессирующего ослабления государственных институтов, соперничества магнатов, снижения эффективности управления в сочетании с тяжелыми последствиями войн XVII – начала XVIII в. Речь Посполитая безусловна проигрывала в геополитическом противостоянии с сильными соседними монархиями. Результатом этих событий были разделы польско-литовского государства.

Таким образом, системное рассмотрение и компаративный подход позволяют рассмотреть историю политических институтов Европы раннего Нового времени в аналитическом ключе и панорамном ракурсе. Однако лишь представленной схематичной конструкцией возможности компаративного подхода, как своего рода парадигмы современного исторического знания [2], не ограничиваются. Великое Княжество Литовское, расположенное на конфессиональном, культурном и ментальном пограничье между Востоком и Западом, уникально для исследователя.

Почему в Швеции королевской власти удалось сломить сопротивление правящей аристократии и установить абсолютизм, а в Речи Посполитой – нет? Чем отличается сейм Речи Посполитой от Генеральных штатов, кортесов, Земских соборов, ландтагов? Какими выглядят отношения Короны и Княжества в рамках унии в сопоставлении с отношениями государств, например, в системе Габсбургской империи? Каков шляхтич Речи Посполитой по своей ментальности и статусу в сравнении, например, с российским дворянином, испанским идальго, германским юнкером или французским шевалье? Чем отличаются мануфактуры Великого Княжества Литовского от французских, голландских или российских? Множество вопросов можно формулировать и далее, однако вряд ли вызывает сомнения тот факт, что исследования европейской истории раннего Нового времени и разработка проблем истории Беларуси XVI–XVIII вв. в компаративном ключе станут перспективным и востребованным направлением в отечественной историографии [3, с. 718–719].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Удальцова, З. В. Генезис феодализма в странах Европы / З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова // Доклады XIII Междунар. конгресса ист. наук., Москва, 16-23 авг. 1970 г. – 24 с.
2. Кром, М. М. Введение в историческую компаративистику / М. М. Кром. – СПб. : Европ. ун-т, 2015. – 247 с.
3. Ландина, Л.В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. / Ландина, Л.В. – Минск: Энциклопедикс, 2020. – 816 с.